

13 августа 1969 года

СЕВЕРНЫЙ РА

КАЖДЫЙ ГОД В ПЕРВЫХ числах августа от ярославской пристани отходит пароход. Идет он вниз по Волге, до Астрахани, — один из немногих последних пароходов, еще оставшихся на Волге. Впереди ширь, необъятный простор, в лицо бьет сильный мягкий ветер. Пароход довольно велик и еще крепок. В его каютах на старинный лед просторно. Есть нечто вроде письменного стола, и на нем электрическая лампа под зеленым колпачком. Пароход этот давно, кажется, знаком Сергею Дмитриевичу Ромоданову, — сколько уж лет он вот так, в августе, путешествует по Волге, но каждый раз, когда круто, с волжским щегольством, пароход описывает широкую дугу и подваливает к

пристань, когда с шумом закипает вода у бортов и гремят сходни, у Сергея Дмитриевича замирает сердце, и ему хочется продлить мгновения, вернуть волжские просторы и свежие ветры, ночные огни на реке и росистые утра.

С Волгой у народного артиста РСФСР Сергея Дмитриевича Ромоданова связаны годы и годы творчества, она дала жизнь многим его героям. Здесь, на Волге, играл он и Петра Первого, и Егора Булычова, и дядю Мишу, здесь сыграет новые роли. А сколько событий прошло с тридцатых годов, когда впервые приехал Ромоданов в Ярославль... Каждое из тех событий стало его жизнью, его личной радостью или горестью.

рика Артамонова артист Ромоданов».

К тому времени Ромоданов хорошо знали театры Сибири и Урала, где он работал несколько лет. Некоторое время Сергей Дмитриевич занимался режиссурой. Он ставил классиков и современность, увлекался Горьким. В Ярославль Ромоданов пришел уже опытным актером. Его склонность к героике, к открытой театральности и пафосу бросалась в глаза. На его героях лежала печать незаурядности, они были скульптурны и рельефны.

Двадцатилетним Ромоданов часто играл ста-

дне». Неодолимой мукой терзался Антипа Зыков в «Зыковых». Глубокой теплотой загорались огромные обожженные глаза слесаря Егора в «Детях солнца». А Булычов? С каким мстительным наслаждением разоблачал Булычов — Ромоданов ложь вокруг себя! Беспощадно срывая маски с окружающих, он видел, как нечестива правда этим хранителям устоев живого и милого мира. Вот Булычов ожесточенно бросает вслед игуменье ее «сановный» посох, вот с озорством волжского плотовщика хватается за ярасу «святого» Павлина, а в сцене с трубачом, вскочив на стол, «трубит» миру свой при-

Мастера сцены

ДУШИ НЕПОБЕДИМЫЙ ЖАР...

говор. И совсем иным — душевным и проникновенным — становился этот человек наедине с дочерью Шуркой. В спектакле развертывалась трагедия человека, сильного, незаурядного, впуская растратившего жизнь, осознавшего ее горестный итог.

Палитра Ромоданова богата самыми неожиданными красками. Его Борис Годунов в «Царе Юрии» не импозантно властен, не декоративно монументален. Ромоданов вообще чужда поза. В Борисе Годунове он видит крупного государственного деятеля старой Руси. Мокра и темна от пота ситцевая спина слесаря Егора, багрово лицо под выпуклым картузом. А в следующий вечер актер влюблен в своего Ивана Грозного в «Василисе Мелентьевой», и музыкальный его слух наслаждается звучанием древнего русского слова, которое он почувствовал в пьесе Островского. Ромоданов любит театр Островского. Когда-то он играл благородного трагика Несчастливцева в «Лесе», и чистые душевные порывы Несчастливцева, бесконечная любовь актера к очарованию театра исходила от самого исполнителя.

КОГДА ДУМАЕШЬ о том, что Ромоданов вот уже полвека на сцене, что каждая его роль — предельное напряжение душевных сил, завидуешь его непобедимому жару души, его молодости, его актерскому счастью. Ведь это же счастье — неразрывно сплести свою жизнь с жизнью страны, пройти с лучшими людьми все веки времени, каждый день завоевывать в искусстве новые вершины. И нарком Гришанков из недавнего спектакля «Человек и глобус», и генерал Панфилов, и наш дядя Митя, посолдатски простой, с личиками морщин на висках, с жесткими кустиками выгоревших бровей, все они — наши современники, строители счастья человеческих душ. «Строитель — главная на земле специальность», — говорил когда-то прораб Балубев в спектакле «Знакомьтесь, Балубев!».

...Еще на пароходе, где-то возле Волгограда, Ромоданов получал от друзей, знакомых и незнакомых праздничные телеграммы и приветствия в связи с недавним Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Трудового Красного Знамени. «Особая нравственная требовательность к человеку», «знамя высокой правды и реализма», — гласили слова телеграмм, — «коммунистическая убежденность и гражданственность героя-современника» — все это взволновало артиста. Сегодня, 13 августа, он перешагнул порог 70-летия Сергей Дмитриевич готовит новую роль, за ней последует другая, и в этом последнем движении заключено его творческое и человеческое счастье.

М. ВАНЯШОВА.

На снимке: народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии С. Д. РОМОДАНОВ.

Фото Ф. Левитина.

«ЮНОСТЬ МОЯ — ЯРОСТЬ МОЯ — ТЫ ВЕДЬ БЫЛА ТАКОЙ!»

ШЕЛ ПОСЛЕДНИЙ ГОД гражданской войны. В Баку свирепствовали голод и холера, город постепенно пустел. Закрывались театры. Только небольшой коллектив художественной студии — мастерской режиссера Арзамасова держался сплоченно и мужественно. В сложной обстановке тех дней студия ставила революционные спектакли. Плакаты с красными бойцами, расклеенные на бакинских улицах, спрашивали: «Ты записался добровольцем?». Актеры рабочей театральной мастерской считали себя мобилизованными. Среди них был и молодой Сергей Ромоданов.

Он хорошо запомнил то утро, с которого начались его долгие странствия. Маленькому театру вскоре вручили военный литер на поезд. Предстоял трудный путь на юг, в Среднюю Азию, в Ташкент — «город хлебный». Не было меди оркестра — никто не проножал неизвестных актеров, лишь сурово гремели бубера, и красноармейцы осторожно вносили в вагон красное знамя. В теплушках бойцы и актеры сжали вместе. И хотя у Сергея и его товарищей не было винтовок, красноармейцы понимали, что артисты — такие же бойцы революции, они сильны своим искусством — искренним, торжествующим, революционным...

Первыми зрителями, которых Ромоданов оценил и полюбил, были бойцы и командиры Красной Армии, потом — смуглые узбеки, впервые увидевшие театр. Из Ташкента путь лежал в Хиву, Ургенч — города бывшего Хивинского ханства. Хива стала столицей недавно образованной Хорезмской советской республики. Но в кочевую актерскую жизнь врываются ветер, топот лошадей, совсем рядом злоба стучала лошадиными копытами: в песках шныряли басмачи.

Ни в Хиве, ни в Ургенче театров не было. Это не смutilо молодых актеров — театры строили быстро, из глины. Так же быстро рождались и революционные действия — пьес о революции у них пока не было. И как счастливы бывал Сергей Ромоданов, когда фантазия становилась живыми и вдохновенными люди на сцене «штурмовали Зимний!», «строили Мировую Коммуну», расирывались с «гидрой капитала». Когда играл Ромоданов, зрители с восторгом замечали, что вместе с ним они обретали силу, веру, этот огромный русский учил по-настоящему жить! В темноте зрительного зала прожектор выхватывал вставшую толпу, над которой взлетал «Интернационал».

«ЖИЗНЬ МОЯ! ВЫ, ПОЗАБЫТЫЕ ЛИЦА, НЕВЕРОЯТНЫХ ГОДОВ ГОЛОСА...»

ПЕРЕД САМОЙ ВОЕННОЙ кинорежиссер Григорий Рошаль пригласил Ромоданова на роль Ильи Артамонова в кинофильме «Дело Артамоновых». Это был первый опыт актера в кино. «Когда выйти на экран этого человека огромной физической силы, чудовищной веры в себя и волнующей воли, — писал о фильме Федор Гладков, — как-то сами собой сохотят на память мощные создания Микельанджело — его скульптуры и фрески. У Ильи Артамонова — неумная и бурная энергия. Она сокрушает все на своем пути — слепо, походя, жадно... Прекрасно играет ста-

риков — режиссеры видели в нем характерного актера. Роли требовали большой наблюдательности, острых и точных деталей. Это помогло в будущем, когда психологически сложные роли требовали искусства перевоплощения и приходилось искать скучные и меткие черточки. А в молодые годы Ромоданову пришлось сменить не один десяток гримов и окладистых бород, прежде чем режиссер сказал: «Незаметные герои — не для Ромоданова!». Когда Ромоданов выходил на Волковскую сцену, о нем говорили, прибегая к терминологии смежных областей искусства: «Мажорно. Сочно. Монументально Героично». А главное — человечно. Недаром в горьковской драматургии актер более всего ценит великий гуманизм, мудрость, глубокое проникновение в душевный мир человека.

Во время работы над спектаклем «Петр I» Ромоданов встретился с Алексеем Толстым, автором пьесы. О Петре Толстой рассказывал ярко, необычайно. Перед актером встал образ определенный, энергичнейший, полный противоречий, сложный. Надолго запомнил Ромоданов гипсовую посмертную маску Петра, хранившуюся у Толстого под стеклом, его огромную голову, высокий мужественный лоб. Взволнованный от встречи с Толстым, вернулся Ромоданов в Ярославль.

В каждом фартуке молотобойца появлялся Петр на сцене, могучим телосложением, силой своей, рабочей сметкой и умом покорял кузнецов, которые не могли с ним сравниться в умении работать молотом. Воедино слились в ромодановском Петре властный характер преобразователя и юмор мужика, азарт и экспрессия, ум и воля. Через борьбу и страдания народные вел Петр к победе русское государство. В финале, крепко упершись ногами в палубу русского корабля, Петр стоял громадный, могучий. «Увенчали мы наше отечество славой», — говорил он. — И корабли русские плывут уже по всем морям. Не напрасны были наши труды, и поколениям новым надежит славу и богатство отечества беречь и множить!».

Надо ли говорить о той патристической силе звучания, которой отличался спектакль в годы Великой Отечественной войны!

В те годы Ромоданов создал много образов наших военачальников и славных наших солдат. Человек в военной гимнастерке, появляющийся на сцене, высокий, плечистый, с уверенным взглядом и запоминающимися чертами лица, он приносил в зал приподнятое настроение. Ромоданов видел и на передовой — в составе фронтовой театральной бригады несколько месяцев ездил он по опаленной стране, беседовал с бойцами и командирами. Его герои вобрали в себя крупности ценного и дорогого в этих людях, принесли на сцену дым боев, нелегкую солдатскую долю. Сафонов из «Русских людей», Сергей Луконин — «Павер» из нашего города». Огнев из спектакля «Фронт» Корнейчука ассоциировались в воображении зрителей с именами героев, о подвигах которых рассказывали радио и газеты.

Горьковские роли Ромоданова становились для ярославцев подлинными открытиями. О человеческой гордости говорил людям Сатян из пьесы «На